

17 апреля 1943 года. Суббота.

От Советского ИНФОРМБЮРО:

В течение 17 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Кубани части Н-ского соединения вели активные боевые действия и на отдельных участках отбивали контратаки противника. За два дня боёв на этом участке фронта уничтожено до 4000 немецких солдат и офицеров, подбито и сожжено 17 танков, уничтожено 39 орудий, 31 миномет и более 100 пулеметов. Нашими бойцами захвачены трофеи, в числе которых 8 орудий. На другом участке противник предпринял несколько контратак. На наши позиции впереди двигались румыны, а за ними шли немецкие автоматчики. Попав под убийственный огонь советских подразделений, румыны повернули назад. Тогда немцы открыли стрельбу по своим «союзникам» румынам. Наши бойцы контрударом опрокинули противника и улучшили свои позиции. Только на этом участке противник оставил 3 подбитых танка и до 300 трупов своих солдат и офицеров.

* * *

— Дьяк, ну что, хавнем по-шустрому? Наперёд, на недельку?

Мелкий Живчик, для авторитетности никогда не расстававшийся с автоматом и пистолетом, подсел-плюхнулся вплотную, чуть толкнув под руку. Дьяк недовольно отодвинулся, но головы не поднял.

— Чего так?

— А пророчествую. Через день-другой дальняя дорога выпадает. — Живчик сдвинул пилотку на самый затылок, подвзбил жиденский сизый чубчик — гордость разведчиков. — Командир из дивизионного штаба с особистом вернулся. Да не с каким-то фуфельником, а с капитаном госбезопасности. Шас тот в наших историях полный шмон проведёт, согласно инструкции поисповедует: а насколько сильно ты Советскую власть любишь? Какие грехи тебе в коммунистическое царство войти мешают? Да, в натуре, достоин ли ты, отсталый элемент, ваще за Родину геройскую смерть от врага принять? Помытарит почище инквизитора.

Живчик достал, Дьяк отложил отвёртку, схлопнул цейсовскую лупу в бронзовый чехол. Повернулся, еще чуток отодвинувшись:

— Ты-то, мил человек, про инквизиторов что знаешь? По своей линии жизни ты толь-

ко про народный да военно-полевой суды, ну, про трибунал что-то ведать можешь.

— У нас на почтовом ящике один профессор тянул, вечерами в бараке блатным книжки пересказывал. Про горбуна с колокольни и краснучку-цыганку я запомнил. Чувственная такая история. Ладно, не отвлекай: особист ноне копать глубоко станет. В один-один-тридцать-пятом полку шухер вышел, там какого-то валета раскололи, что батразведка сама завалила своего младшего летёху. Ну, понтаря желторотого, что отряд на смерть погнал. Там сейчас всех в ломбард сдали, всем расход светит, невзирая на заслуги. Ну и остальные разведки шмонают. Так что шухарись — как там древние греки базлали?

— Древние римляне. Предупреждённый вооружён.

— Вот-вот. Дёргай затвор и гребни к плите, засветим схроны с хавчиком да гуднём перед сквознячком.

Дьяк проводил взглядом уходившего Живчика. Точнее — беззвучно растворяющегося меж растопыренных, жиденко забелевших лопающимися цветочными почками абрикосовых ветвей. Худенький, но широкоплечий недорослик с обязательным «ППШ» за плечом, во всегда чистом, щегольском камуфляже «лиственный лес — весна-осень» с отяжелёнными карманами. Бывшие блатные всегда

излишне, даже для разведки, самоутверждались оружием после тюрем и лагерей с нагими шмонами и безответностью перед хамством вертухаев и брежатых. Автомат, пара пистолетов, пяток гранат и обязательный символ воровской самости — видный нож. Уставной для разведчиков «норвежского типа» обязательно доводился до воровского шика полосато-наборной плексигласовой рукоятью. Ну, и какой же вор без утопленной за голенище заточки?

Однако же озадачил мазурик. Проходить даже простую очередную проверку особого отдела — головная боль вкупе с зубной. Заноза в том, что этих капитанов госбезопасности постоянно меняют. Два-три месяца — и новый. Понять-то идею такой ротации можно, да вот принять сложно. Каждый новоявленный предавался исполнению служебных обязанностей до фанатизма, добиваясь отличной отчётности с обязательным выявлением шпионов и склонных к дезертирству. И уже прошерстившие твою подноготную предшественники, не нашедшие ничего преступного или даже предосудительного в твоих поступках, для них ничего не значили.

Не привинчивая, просто вернул на место верхнюю панель немецкого передатчика, закрыв крышку, поставил алюминиевый ящик на два таких же — с приёмником и блоком питания. Отличный такой аппарат «SE 108/10»,

мощный, лёгкий, ест мало. Немцы многое продумали, даже маркировка на английском: если агента перехватят, ещё не доказано, чей он. Может, союзник. Спасибо пехоте за подарок, жаль, приёмник осколок насквозь продырявил, схема и две лампы закапутились.

Две кривые, из полубрёвен, мощные скамьи, на которых Дьяк расположил на изучение и разбор снятый с подорвавшегося на mine мотоцикла трофей, не сданный дружелюбной пехотой «куда следует», а выменянный разведчиками на пол-ящика фашистской тушёнки и два блока сигарет, стояли в абрикосово-сливово-вишневом саду за заглублённой возрастом в землю крестьянской хатой, плотно забитой тыловой службой всякой всячиной, нужной и для ведения боевых действий, и для отдыха. Дьяк успел заглянуть одним глазком, когда получал батареи: чего там ни сложилось в ящиках и коробках до потолка — от конской упряжи, мыла, хлора, канистр, фляг, скобяного и шанцевого инвентаря до энзэшной зимней амуниции. Даже блестели трубами два старинных граммофона.

Кухня и блок питания располагались ниже метра в двухстах, над самым оврачком под местными кривыми, длинноигольчатыми соснами. Когда-то это была хуторская лесопилка, от которой остались лишь саманные, как

и у хаты, некогда белённые стены. Потолок они накрыли брезентом, замаскировали ветками, оконные проёмы затемнили. Полы земляные, но по-весеннему ещё без блох. Зато сохранилась настоящая варочная печь, теперь радостно окружённая баками, вёдрами, столами и лавками. Места оказалось достаточно даже для маленькой, но настоящей баньки. Ниже пищеблока, почти на самом дне заросшего орешником и акациями оврага вольно разместились прикопанные палатки — каре из восьми четырёхместок для бойцов и по центру командирская, в которой нынче и будут в головах шарить.

В разведывательной роте триста тридцать девятой стрелковой дивизии их второй взвод числился штабным резервом, они, можно сказать, были элитой — за каждым такая боевая биография, что хоть ежедневно заметки в «Огонёк» и «Красную звезду» посылай. С фотографиями. Потому располагались они под рукой командования, и обед им подвозили чуть ли не одновременно с комдивом полковником Кулаковым. Лучше квартировал и харчевался только полуэскадрон конной разведки, который вообще был личным эскортом комдива и начштаба.

Так что ротный повар лишь доваривал-дожаривал выданное сверх нормы зампотылом из общаковых трофейных припасов — на се-

годня это были гороховые лепёшки с маргарином. Да поддерживалось постоянное кипение в баке — верная примета того, что ушедших на задание здесь дождутся. Всех дождутся.

За столом их отделения уже полный сбор. И за двумя другими тоже плотно — секретная весть о скором задании разлетелась мгновенно. Ели молча, черпали споро, старательно выцарапывая остатки ложками, коротко перебрасываясь редкими малозначащими фразами. Даже обожавший всеобщее внимание Живчик только зыркал по сторонам из-под чуба, полагерному накрывая котелок всем телом.

— Всё, бойцы. На перекур! — Старшина Воловик, в свои сорок два естественно воспринимаемый всеми отцом-верховодом, рывком затянул кожаный офицерский ремень, поправил кобуру и ножны. Тыльной стороной ладони он привычно разогнал по верхней губе, всем на зависть, как у моржа, вислые усы и с нескрываемой нежностью прогладил введённые два месяца назад погоны. — Айда наверх, за хату.

Дьяк, в три затыжных глотка опустошив кружку и поблагодарив дежурного, поспешил за своими. Хотя чего спешить-то? Без него всё решат, ему только кивнуть с умным видом. Обходя разорванный прямым бомбовым попаданием немецкий полугусеничный пушечный тягач «Ганомат», задержал дыхание — трупы

фрицев захоронили, но запах сгоревшего человеческого жира неистребим.

Апрель на Кубани ломал все его предыдущие представления о весне. Дома-то, в Томской области, сейчас только-только сугробы осели, вдоль дорог с солнечной северной обочины грязно вычернели ледяные соты-коросты. Да выросли полутораметровые сосульки — с крыш до земли. Ещё, поди, свиристели и снегири в тайгу не улетели. А здесь уже цветы распускаются. И это же подумать только — на абрикосах! На абрикосах, господи помилуй. Молодая, явно озимая, какая-то вся кружевная травка плотно покрывала давно просохшую землю. Даже вспомнить страшно, какая в России в апреле гиблая распутица. Жуть. К тому же у Дьяка была особая причина не любить грязь: из-за проклятой жижи прошлым октябрём он поймал снайперскую пулю. Тянули связь, два-три шага, и сапоги от тебя отставали. Вот он и задержался на долю секунды, не торопясь падать животом, влипать руками по локти в эту тестообразную ледяную глину. Доля секунды — и вот теперь чешется рубец вдоль левых рёбер.

Нежные веточки, увешанные расщелившимися почками, холодно-скользко гладили лоб и щёки, ноздри сладко щекотал дух сочащейся под солнечным давлением смолки, кружащий под ногами голодный, обиженно

толкающий всё на своём пути шмель давил сочувствие. Выселок, в котором они расположились, укрывался от пылящего, гудящего и гремящего шляха двумя километрами всхолмленных зарослей орешника. И если бы не рваная, сбивающая ритм канонада, уже четверо суток не смолкающая вокруг невидимой за горой Абинской, да не пролетевшие с утра туда-сюда восемь раз советские штурмовики и немецкие бомбардировщики, то как бы сейчас получилось — хоть на несколько минуточек! — отдаться бездумному весеннему восторгу. Зацветающие абрикосы, толкающийся шмель, молодая сильная травка...

Так как Кырдык и Пичуга были в нарядах, то курильщики разделились три на три: Старшой, Сёма и Ярёма против Копоти с Живчиком и примкнувшим к блатным Лютым.

Для тех, кто не знает списочного состава: Старшой — командир отделения, младший сержант Воловик Тарас Степанович тысяча девятьсот первого года рождения, успевший ещё на Гражданскую, а между войнами бригадир столяров-краснодеревщиков в Нижнем-Горьком. Кырдык — Ильяс Азаткулов, местный пастух-ногаец, теперь минёр, кажется, двадцати пяти ещё нет, хотя кто точно определит возраст степняка? Сёма — их чудо-снайпер с Дальнего Востока, по документам Калуж-

ный Семён Семёнович тысяча девятьсот восемнадцатого года рождения. Ярёма — богатырь, ялтинский портовый грузчик Ерёмин Мирон Никифорович с двенадцатого года. Пичуга — и правда, как малая птичка, художочный московский студент-филолог Клим Пичугин, хорошо, если уже есть двадцать, но знание немецкого языка — и в разведку. Противную сторону представляли два вора — рецидивист-скокарь Копоть — Шигирёв Прохор Никитович тысяча девятьсот девятого года рождения в лихославном городе Орле, беспризорник, за три ходки накопивший тридцать четыре года по статье сто шестьдесят второй, и Живчик — ярославский вор-сопчик Гаркуша Яков Иванович семнадцатого года, почти отмотавший десятку, да получивший довесок за попытку побега. Почему к ворам присоединился грозно звучащий Лютый? Ну, на самом-то деле — Лютиков Антиох Аникиевич, пермяк, сын священника, с семьёй сосланного на поселение в Казахстан, оказавшийся в армии после письма к товарищу Калинину с прошением разрешить ему с оружием в руках защищать родную Советскую власть. Но Лютый точнее прилегало к ширококоскулому и широкобровому блондину гимнастического сложения, боксёру, борцу и мастеру метания ножей, лопатки и топора.

Тогда уж и о Дьяке! Шутки шутками, но действительно дьякон Русской Православной Церкви, рукоположенный архиепископом Варлаамом Ряшенцевым, отец Димитрий — Дмитрий Васильевич Благословский тридцати лет, родом из Томска. Здесь, в разведке, радист, до того — рядовой третьего взвода пятьдесят шестого отдельного батальона связи двадцать четвёртой стрелковой дивизии. В армии с января сорок второго — тогда вышедшую из окружения, страшно поредевшую четырёхста двенадцатую срочно переформировывали в двадцать четвёртую, и его, работавшего на вологодском оборонном заводе, зачислили в батальон связи, не глядя на «бронь» и сан. В марте дивизию перекинули под Тамбов в резерв Ставки, а четырнадцатого декабря выгрузили в Калаче и форсированным маршем вывели на реку Мышкову на позиции обороны Сталинграда. Так что первая беседа рядового-дьякона Благословского с особистом состоялась только в госпитале. Если бы поставленного на особый учёт тогда не забрал к себе в дивизионную разведроту лежавший рядом лейтенант Смирнов Александр Кузьмич, которому второй орден Красного Знамени генерал Шумилов вручал прямо в палате, то кто знает, чем бы всё закончилось.